

ГЕНЕРАЛ КУРОПАТКИН**К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ЕГО РОЖДЕНИЯ**

Владимир Николаевич ЗУЕВ,
научный сотрудник Института истории ДВО РАН

Его фамилию если и упоминают в отечественной военной истории, то всегда или почти всегда в негативном контексте. И, действительно, рассуждают некоторые, может ли претендовать на добрую память и уважение потомков незадачливый полководец, проигравший кампанию!?

Между тем биография военного министра России в 1898—1904 гг., главнокомандующего маньчжурскими войсками в 1904—1905 гг. генерал-адъютанта Алексея Николаевича Куропаткина по-своему поучительна, интересна и богата событиями, а порой трагична, сопряжена с роковыми неудачами и разочарованиями. До сих пор не опубликованы сведения о многих обстоятельствах его жизни, а некоторые из них неизвестны даже людям, годами занимающимся жизнеописанием генерала.

Вот почему, не претендуя на исчерпывающую полноту изысканий, автор этого материала счел необходимым обратиться к биографии и воинской службе достойного патриота Отечества.

... В марте 1848 г. в метрической книге Витебской Иоанно-Богословской церкви было записано: «У прапорщика корпуса топографов Николая Емельянова Куропаткина и его законной жены Александры Павловны Арбузовой родился сын Алексей, а 25 числа того же марта крещен оной церкви протоиреем Федором Голембовским и дьячком Иваном Пороменским»¹. Появился Алексей на свет 17 (29) марта 1848 г.²

Никто не мог предполагать, что сын скромного преподавателя топографии Полоцкого кадетского корпуса впоследствии станет военным министром страны, сановником, вхожим в круг царственных особ; что затем его имя позорно прославится, и эхо печальной известности прокатится далеко за пределами России. Никто из собравшихся родственников и сослуживцев отца и не мыслил себе такой головокружительной карьеры мирно посапывающему в колыбели малышу, как и то, что его имя рязанские, тамбовские, пензенские бабы будут проклинать как первого из виновных в потере кормильца семьи, павшего на полях далекой и невиданной Маньчжурии:

Куропаткин генерал
Все иконы собирал,
Пил, да ел, да жарил кур —
Протранжирил Порт-Артур³.

Генерал-адъютант А. Н. Куропаткин.

А пока Николая Емельяновича сослуживцы поздравляли, как водится, с рождением первенца. Родители, конечно же, видели в будущем благополучный, с точки зрения представлений их круга, жизненный путь сыну — чины, ордена, капитанский, майорский, как верх успеха — полковничий пенсион в старости, сыновей сына и внуков, продолжателей фамилии Куропаткиных.

Николай Емельянович принадлежал к многочисленному в николаевскую эпоху слою средне- и мелкопоместного дворянства, связанного прежде всего с военной службой. Кавалер орденов Св. Анны и Св. Станислава 3-й степени, бронзовой медали в память войны 1853—1856 гг. Н.Е. Куропаткин родился в мае 1817 г. Из унтер-офицерских детей Екатеринославской губернии, он в детстве учился в школе военных кантонистов, затем закончил школу топографов. В первый офицерский чин был произведен 26 марта 1844 г.⁴

В 1852 г. он был переведен тем же преподавателем топографии в 1-й Санкт-Петербургский кадетский корпус, в 1854 г. произведен в поручики, в 1859 г. — в штабс-капитаны⁵. Женат был на дочери умершего капитана 2 ранга Александре Павловне Арбузовой, за которой в приданом состояло имение Шешурино Наговской волости Холмского уезда Псковской губернии (ныне Шешуринского сельсовета Торопецкого района Тверской области)⁶. Н.Е. Куропаткин к 848 десятинам приданого затем приобрел еще 267 десятин пахотной земли⁷.

Алеша воспитывался в 1-м Санкт-Петербургском корпусе, где с 1852 г. преподавал его отец. Он был там первым учеником. Традиционным стало его ежегодное награждение похвальным листом и книгой: «За отличное Ваше благонаправленное прилежание и успехи в науках в прошлом учебном 1859—60-м годах начальство признало назначить Вам в подарок «Живописное обозрение за 1859 г.»⁸. В последнем, выпускном классе в 1863—1864 учебном году А. Куро-

паткин был уже ефрейтором и получил за «благонравное прилежание и успехи в науках» Сочинения А.С. Пушкина⁹.

В 1864 г. Алексей Куропаткин поступает в 1-е военное Павловское училище. Оно отличалось хорошим преподавательским составом по специальным и образовательным дисциплинам, военной кастовостью состава юнкеров и великолепной строевой выучкой. Перед первым выпускником Павловского училища 1866 г. были открыты все пути. Портупей-юнкер Куропаткин с производством в подпоручики вышел в Оренбургский стрелковый батальон, сформированный в 1864 г. для походов в глубь Средней Азии из солдат Кавказской армии и офицеров-охотников (с 1867 г. переименован в I-й Туркестанский стрелковый).

Подпоручик А.Н. Куропаткин сразу же окунулся в атмосферу походов и постоянных стычек с кочевыми племенами. Уже через год, в 1867—1868 гг., он находится в походе против Бухарского ханства, участвует в штурме Самарканда, в бою на Зерабулакских высотах, во вторичном завоевании Самарканда и других делах. За отличия был награжден орденами Станислава 3-й степени и Анны 3—6-й степеней (оба с мечами и бантами) и чином поручика (произведен 16 августа 1869 г. со старшинством — со 2 июня 1868 г.). В походах Куропаткин исполнял должность батальонного квартирмейстера и, будучи подпоручиком, командовал ротой, а чин поручика получил 3 месяца спустя (роту принял 19 мая 1869 г.). 11 августа 1870 г. за отличия по службе досрочно производится в штабс-капитаны. 9 июня 1871 г. Куропаткин сдает роту и 19 августа отправляется держать вступительные экзамены в Николаевскую академию Генерального штаба, куда зачисляется 5 октября того же года¹⁰.

Сослуживцем и первым непосредственным начальником А.Н. Куропаткина, его ротным командиром был штабс-капитан Михаил Юльевич Ашебреннер (1842—1926). Заботливый начальник, военный интеллигент, любимый как солдатами, так и офицерской молодежью батальона, называемый ими просто и ласково «Юльевич». Позднее Куропаткин вспоминал о нем: «Он часто читал нам вслух и приучал, несмотря на походную обстановку, не отвыкать от книги. Он же внушал нам и словом и примером необходимость заботиться о нижних чинах, как о своих младших братьях. Каждая грубость, каждая несправедливость глубоко его огорчала...»¹¹.

Много лет спустя, в 1923 г., Куропаткин пишет уже самому Ашебреннеру: «Вы стали для меня и моих товарищей не только дорогим, всеми любимым и уважаемым «Юльевичем», но и учителем, нравственному влиянию которого мы подчинялись. Вы научили нас свято охранять каждую солдатскую копейку. Вы давали нам пример исключительно гуманного отношения к солдату в то время, когда кругом еще солдат били и обкрадывали, вы внесли в товарищеские отношения молодежи нашего батальона нравственную чистоту. Никто из нас не хотел быть дурным, чтобы не огорчать «Юльича». Влияние Ваше относительно любви к ближнему, особенно к слабому, я сохранил в себе и по настоящее время. Командуя армиями, я не был угоден многим генералам, но знал, что за мою любовь к солдату и за заботу солдатская масса любила меня... В последующие годы, где бы ни собирались старые туркменцы нашего славного батальона, они неизменно вспоминали «Юльича» и Ваше на нас влияние»¹².

Говоря о любви солдатской массы к Куропаткину, стоит вспомнить один факт из хрестоматийных мемуаров А.А. Игнатьева «Пятьдесят лет в строю». Когда поезд с уже смещенным командующим I-й Маньчжурской армией генерал-адъютантом А.Н. Куропаткиным возвращался в Европейскую Россию, на маньчжурской станции Гунчжулин стихийная толпа солдат собралась около своего командующего, и один раненый сибирский стрелок на костылях выразил общее мнение солдат: «Он нашего брата солдата жалел!»¹³

Но будем соблюдать хронологическую последовательность нашего повествования.

С поступлением в академию А.Н. Куропаткин не порвал связи с заслуженным, хотя и молодым родным батальоном, как это делали зачастую заносчивые честолюбивые генштабисты. В 1875 г. вместе с ним участвовал он в качестве офицера штаба округа в Кокандском походе. В 1879—1882 гг. Куропаткин командовал Туркестанской стрелковой бригадой, куда входил и бывший его I-й Туркестанский стрелковый батальон. Эти контакты Алексей Николаевич поддерживал и впоследствии. Каждый офицер батальона, приезжавший в Петербург, обязательно обедал у А.Н. Куропаткина, в том числе и тогда, когда генерал был военным министром. В память о службе в батальоне Куропаткин подарил офицерскому собранию этого подразделения большую серебряную братину с числом стаканчиков, соответствовавших штатному числу офицеров¹⁴.

Некий капитан Лепехин из I-го Туркестанского стрелкового батальона за военное преступление (уехал со стрельбища раньше роты, и один солдат нечаянно застрелил другого) отсидел год в крепости. Дальнейшее его продвижение по службе было остановлено, и 16 лет Лепехин командовал ротой. В конце концов он решил обратиться к своему давнишнему сослуживцу и приятелю — Куропаткину, уже военному министру. Не без мытарств Лепехин добрался до Петербурга, явился к Куропаткину, и вскоре по Высочайшему повелению наказание было снято. В Ташкент Лепехин вернулся подполковником¹⁵.

Пять лет службы стали серьезной школой боевой закалки для молодого офицера. В здоровой среде туркестанского офицерства Куропаткин прошел через бои и походы, и дальнейшему своему стремительному взлету обязан был прежде всего собственному упорству, личным качествам и репутации храброго офицера — действительной, а не дутой.

Будучи слушателем Николаевской академии Генерального штаба, А.Н. Куропаткин после многих годов разлуки встретился с соседкой по имени, подругой своей юности Елизаветой Лукиничной Кушелевой-Томановской, деятельницей Парижской коммуны, осенью 1871 г. возвратившейся на Родину. Елизавета Лукинична рассчитывала, что ей удастся войти в контакт с наиболее радикальными представителями военных кругов, используя своих давних знакомых, прежде всего — Алексея Куропаткина. Последний обрадовался встрече с подругой юности. Как и прежде, он стал бывать у нее дома. Они вспоминали прошлое, но Елизавета Лукинична пыталась заговорить с ним о будущем. «Лиза... обнаружила ясное намерение вовлечь меня в революционную организацию, в которой состояла, — вспоминал потом Куропаткин. — Повидимому, она имела по отношению ко мне и другим офицерам подобные поручения... Мы виделись несколько раз, и каждый раз речь шла все об одном и том же. ... Однажды она привезла ко мне план Петрограда (так в подлиннике. — **В.З.**) и неизвестно по чьему поручению просила выяснить теоретически, какие части города, здания и учреждения надо прежде всего захватить в руки революционерам, когда вспыхнет восстание». Как военный специалист Куропаткин не мог этого не знать, но от прямого ответа уклонился. В воспоминаниях он изложил свою позицию без маскировки: «Связанный присягой, которую высоко чтил, я до выхода в отставку и полного разрыва с военным ведомством считал нечестным вступать в такие разговоры»¹⁶. Больше им незачем было встречаться, и дороги их навсегда разошлись.

1 апреля 1874 г. А.Н. Куропаткин закончил академию первым в выпуске и в тот же день за успехи в науках был произведен в майоры. А 5 апреля 1874 г. его причислили к Генеральному штабу и назначили в штаб Туркестанского военного округа. Однако 1 июня того же года Куропаткин отправился в научную командировку в Германию и Францию на 8 месяцев (по 2 марта

1875 г.). Некоторое время спустя за участие в военной экспедиции в алжирской провинции Медса 14 июля 1875 г. Куропаткину было Высочайше разрешено принять и носить пожалованный маршалом Мак-Магоном Кавалерский крест ордена Почетного Легиона.

В декабре 1875 г., прибыв в штаб Туркестанского округа, Куропаткин сразу попал в боевую атмосферу. В это время русские войска отправились в Кокандский поход с целью подавления восстания местного населения и окончательного присоединения Кокандского ханства к российской короне. Во время атаки кишлака Уч-Курган, где в ночь с 27 на 28 января 1876 г. располагалась большая группа повстанцев во главе с Пулат-ханом (неизвестное лицо: то ли мятежный феодал, то ли выходец из народных низов)¹⁷, Куропаткин командовал «штурмовой колонной из полуроты спешенных стрелков и спешенной казачьей сотни. В итоге боя колонна овладела Урдой (крепостью. — **В.З.**), что дало решительный и окончательный перевес в пользу русских войск. При взятии урды они овладели батареей из 5 орудий, за этот бой Куропаткин получил орден Св. Георгия IV степени¹⁸. Пулат-хан был взят в плен. На втором этапе похода при взятии Ферганы А.Н. Куропаткин действовал в качестве начальника штаба отряда М.Д. Скобелева¹⁹.

В 1876— начале 1877 гг. Куропаткин назначается начальником посольства к Якуб-беку Кашгарскому. Он прошел с посольством через Кашгар и Ахсу до Курля и Карашаха, сделал 3 700 верст верхом по местностям, ранее неведомым европейцам. В горах Тянь-Шаня на посольство нападали кара-киргизы, и в одной стычке Куропаткин был ранен²⁰.

Обратимся к послужному списку А.Н. Куропаткина:

«26 января 1877 г. пожалован орден Св. Владимира IV степени с мечами и бантом;

10 февраля 1877 г. прикомандирован к Генеральному штабу с сохранением содержания и прежней должности;

2 июля 1877 г. в условиях начавшейся русско-турецкой войны состоял обер-офицером по особым поручениям при Его Императорском Высочестве Главнокомандующем Николае Николаевиче — старшем;

13 сентября 1877 г. назначается исправляющим должность начальника штаба 16 пехотной дивизии М.Д. Скобелева;

6 ноября 1877 г. произведен в подполковники;

30 ноября 1877 г. вследствие контузии в голову разрешено носить фуражку вместо каски;

6 декабря 1877 г. начальник штаба 16-й пехотной дивизии;

16 декабря 1877 г. за дело на Зеленых горах удостоен золотой сабли с надписью «За храбрость».

6 сентября 1878 г. за отличия в боях против турок произведен в полковники и назначен заведующим азиатской частью Главного штаба и зачислен адъютантом военной статистики в Николаевской академии Генерального штаба с оставлением должности»²¹.

Подполковника Куропаткина часто видели в передовых цепях, увлекающим личным примером солдат и младших офицеров в бою. При третьем штурме Плевны (31 августа 1877 г.) в составе 16-й пехотной дивизии на левом фланге русской армии лично участвовал в штурме т.н. Скобелевских редутов, получив сильную контузию при взрыве зарядного ящика и «уцелел только чудом», как говорилось в донесении главнокомандующего царю. Многие считали его убитым, а в № 220 «Московских ведомостей» за 1877 г. был помещен некролог о нем.

После контузии А.Н. Куропаткин вскоре вернулся в строй. Но при переходе через Балканский хребет перед Шейновским боем у дер. Иметли получил

сквозную рану в шею. За заслуги в Балканскую кампанию А.Н. Куропаткин был удостоен орденов Св. Анны и Св. Станислава 2-й степени, Св. Владимира 3-й степени (все — с мечами).

В августе 1879 г. А.Н. Куропаткин получает в командование Туркестанскую стрелковую бригаду. В октябре 1880 г. в преддверии Ахал-Текинского похода он назначается начальником Туркестанского отряда с оставлением в должности командира бригады. В конце декабря 1880 г. во время осады и штурма крепости Геок-Тепе, которую туркмены героически обороняли, отряду Куропаткина была поставлена главная задача, и он ее выполнил блестяще. Когда во время вылазки текинцев 27 декабря (9 января 1881 г.), тем удалось захватить одно из знамен русских войск и горное орудие, внеся уныние в войска, Скобелев решил ответить на вылазку смелым действием. Он приказал Куропаткину штурмом овладеть турецкой «калой» (глинобитным фортом), окруженной каменной стеной и находившейся всего в 150 метрах от неприятельской цитадели.

С развернутыми знаменами и под звуки оркестра колонна Куропаткина двинулась вперед и с ходу овладела «калой» при собственных потерях в 61 человек убитыми и ранеными.

На месте «калы» за одну ночь вырос земляной Ширванский редут, от которого протянулись минные галереи. С их подрывом 12 (24) января 1881 г. начался штурм, в котором подчиненные Куропаткина первыми взойшли на стены Геок-Тепе и водрузили над крепостью знамя 84-го пехотного Ширванского полка. Главное сопротивление ожидалось в самой крепости, поэтому было решено, что все штурмующие войска должны были собраться на стенах и затем уже ворваться в город. Однако Куропаткину удалось без помощи резервов укрепиться в городе, двигаясь тремя компактными частями с оркестром и развернутыми знаменами. Защитники города бежали из него через северные ворота. Генерал Скобелев, быстро посадив спешенных для штурма кавалеристов на коней, во главе пяти эскадронов и с двумя конными орудиями, бросился преследовать неприятеля, показывая тем самым живой пример использования плодов победы. В этом бою 7-тысячный отряд русских войск наголову разгромил 20—25-тысячный гарнизон крепости²².

Куропаткин затем получил приказ двигаться к Ашхабаду и по овладению им без боя 18 (30) января преследовал противника в направлении на север, в пустыню, выдерживая высокий темп движения. В районе Казила-Сокал противник был настигнут и капитулировал, и 6 (18) мая 1881 г. Ахал-Текинский оазис был присоединен к Российской империи²³. За этот поход Куропаткин был удостоен ордена Св. Георгия 3-й степени и серебряной медали «За Геок-Тепе»²⁴, а 29 января 1882 г. за отличия в боевых действиях против текинцев произведен в генерал-майоры с утверждением в должности начальника Туркестанской стрелковой бригады и зачислением по Главному штабу.

Служив там по 1890 г., он занимался разработкой мобилизационных планов русской армии, совершал многочисленные инспекционные поездки. В период пребывания в Петербурге Алексей Николаевич читал лекции и вел практические занятия по тактике в Академии Генерального штаба, но из-за разлада с ее начальником М.И. Драгомировым вынужден был прервать их.

Помимо чисто военной деятельности А.Н. Куропаткин еще в 1870-е годы зарекомендовал себя как востоковед. По материалам своих зарубежных поездок он опубликовал военно-географические труды «Алжирия» (1877) и «Очерки Кашгарии» (1879), детально описав до того не изученные европейцами регионы Востока. В 1885 г. вышла книга Куропаткина о третьей штурме Плевны, где всесторонне анализируется эта операция русской армии²⁵. Труд хрестоматийен и не потерял научного значения и сегодня. По выходе книги в свет автор ее был удостоен премии имени профессора генерала Д.С. Нагловского.

В 1886 г. А.Н. Куропаткин был отмечен императором за разработку проектов «Об основных правах и преимуществах гражданской службы в отдаленных краях Империи» и «Об устройстве управления в Туркестанском крае»²⁶. В 1886 г. он совершает секретную разведывательную поездку в Турцию, где под легендой торговца скотом коллежского асессора Александра Николаевича Ялозо пополнил сведения о турецких укреплениях в проливе Босфор²⁷.

Очередным этапом военной карьеры Куропаткина стал пост начальника Закаспийской области и командующего войсками в ней. Приказ об этом назначении вышел 27 марта 1890 г., а к обязанностям генерал приступил 14 июля того же года. На этих должностях раскрылись его способности как администратора. За 8 лет его губернаторства в области были основаны несколько городов и русских сельских поселений, начато строительство Закаспийской железной дороги, расширились посевы хлопчатника.

В 1895 г. Куропаткин был послан в Тегеран во главе чрезвычайного российского посольства для сообщения персидскому шаху о вступлении на престол Николая II.

1 января 1898 г. генерал назначается управляющим военным министерством, а 1 июля того же года утверждается в должности военного министра. Выбор монарха пал на А.Н. Куропаткина вполне объяснимо. Боевой генерал на фоне придворных сибаритов в мундирах выглядел предпочтительнее. К тому же он был сподвижником Скобелева, удостоенным почти всех орденов Российской империи и ряда иностранных.

Деятельность военного министерства при Куропаткине сосредоточилась на улучшении быта армии, повышении ее мобилизационной готовности, на переустройстве некоторых органов управления, совершенствовании вооружения и материальной обеспеченности армии. В результате улучшились условия службы и быта офицеров, возросли оклады строевым офицерам, были введены более справедливые правила чинопроизводства. В отношении нижних чинов проведенные Куропаткиным мероприятия были направлены к отмене телесных наказаний, улучшению казарменного обустройства. Были введены походные кухни, солдатские лавочки и чайные, утвержден новый табель довольствия в военное время. В мобилизационном отношении улучшена подготовка чинов запаса, увеличен запас офицеров...

Еще в 80-е годы, служа в подчинении начальника Главного штаба генерала Н.Н. Обручева, Куропаткин совершил ряд официальных поездок, связанных с обороной западных границ России. В итоге он стал убежденным сторонником укрепления этих границ и усиления в первую очередь западных пограничных округов. От такой идеи генерал-министр не отказался даже перед лицом надвигавшейся угрозы для России на Дальнем Востоке. Это не могло не отразиться на интенсивности военных мероприятий России на Дальнем Востоке. Усиление войск Квантунской области и Приамурского округа шло импульсивно, под давлением развивающихся событий и осуществлялось не перебазируванием организованных соединений, а переформированием существующих частей с добавлением укомплектований, выделенных частями из Европейской России. Незадолго до войны 1904—1905 гг., ввиду настояний местного командования на Дальний Восток были отправлены по одной бригаде от 10-го и 17-го армейских корпусов, но без обозов, то есть части, не готовые к походу.

Склонность к импровизации и нерешительность Куропаткина проглядывали уже в таких мерах. В войну это выразилось в создании на театре военных действий, по подобию кавказских и туркестанских походов, сборных отрядов из частей разных соединений, не знакомых друг с другом и со своими непосредственными командирами. Возглавлялись такие соединения зачастую заведомо негодными престарелыми и бездарными строевыми начальниками²⁸.

Куропаткин был натурой сложной и противоречивой. При всем своем уме он был нетерпим к чужим мнениям, а главное, он лишь внешне казался твердым и решительным, а в действительности был человеком нерешительным. Тогдашний директор канцелярии военного министерства, в 1905—1909 гг. ставший военным министром, профессор А.Ф. Редигер так характеризовал Куропаткина: «... очень любил военное дело, прилежно его изучал, очень много читал и участвовал во всех бывших при нем походах русских войск..., он обладал массой знаний теоретических и практических..., имел за собой славное боевое прошлое, отлично знал войска, их жизнь и нужды, любил солдат. Всегда спокойный, говоривший свободно и с большим апломбом, он производил на слушателей впечатление знающего свое дело сильного человека. Добрый от природы он, кроме того, желал быть любимым, прославленным и потому относился к своим подчиненным снисходительно»²⁹. Положительно отзывался о Куропаткине и великий князь Константин Константинович, познакомившийся с ним в 1896 г.: «Сколько в нем скромности, простоты и твердости»³⁰.

Тщеславное желание быть угодным и приятным всем при дворе было, пожалуй, первой по значимости отрицательной чертой Куропаткина. Но недостаточность образования и отсутствие светского воспитания делали его чуждым придворной среде. В дневнике за 16 марта 1899 г. государственный секретарь П.А. Половцев записал: «Военный министр Куропаткин, несомненно, весьма умный, но лишенный обшего и в особенности финансового и экономического образования человек»³¹. Подобострастие А.Н. Куропаткина, безоговорочное повиновение «сильным мира сего» стали одной из причин его пассивного противодействия участию России в сомнительных авантюрах в Маньчжурии и Северной Корее. Справедливости ради надо сказать, что и некий великий государственный муж не смог бы закончить преобразования армии в той цейтнотной ситуации, в какой оказалась она в канун русско-японской войны: история отвела слишком мало времени Куропаткину как военному министру.

С началом русско-японской войны встал вопрос о кандидате на пост командующего Маньчжурской армией. Всплывали фигуры: великий князь Владимир Александрович, генерал-фельдмаршал М.И. Драгомиров... Однако Николай II все-таки остановил свой выбор на отставленном к тому времени с поста военного министра А.Н. Куропаткине, «умном генерале, храбром генерале», но «с душой штабного писаря», добавлял министр финансов при Александре III А.А. Абаза³².

Императорская чета за пять лет пребывания А.Н. Куропаткина на посту военного министра охладела к нему. Николай II, правда, утратил интерес к своему военному министру как к царедворцу и вельможе, но полагал, что Куропаткин незаурядный военачальник. Общество тоже находилось в заблуждении, экзальтированные институтки посвящали генералу свои вирши. Вот одно из характерных:

Куропаткин наш могучий
 Воин с доброю душой,
 Наш защитник неразлучный,
 Любим Вас мы всей душой.
 Мы победы Вам желаем
 Над противным, над врагом,
 Поздравляем с Новым годом
 И Великим Рождеством...³³

Харьковская газета «Южный край» в поэме доморощенного редакционно-го поэта так назвала Куропаткина: «Наследник Скобелевской славы, защитник Родины Святой». Наиболее удачной, пожалуй, из всех этих в общем-то бездар-

ных рифмованных опусов была песня сибирских стрелков на слова И.М. Иконникова. Припев этой песни должен был, по мнению автора, вдохновлять на подвиги солдат, отправлявшихся на войну с Японией:

Взвейтесь, соколы, орлами,
Вы — сибирские стрелки!
Куропаткин теперь с нами:
В бой ведет свои полки³⁴.

Все словно забыли, да широкая общественность и не знала, как еще в 70-е годы Скобелев говаривал своему начальнику штаба Куропаткину: «Как второе лицо ты, Алексей Николаевич, хорош. Но да хранит тебя Бог браться когда-нибудь за кампанию. Ты нерешителен, у тебя нет воли, и тебя всякий собьет... И как бы выработанный тобой план ни был хорош, ты никогда не доведешь его до конца»³⁵.

Но это и подобные мнения не были приняты во внимание, и Куропаткин «повел полки в бой» на полях Маньчжурии.

И только после Шахэйского сражения армия перестала верить Куропаткину. Прежде популярный в армии генерал, соратник Скобелева, бывший военный министр не выиграл у японцев ни одного сражения. Он надеялся, видимо, только на численное превосходство над противником и, вероятно, не верил в доблесть войск.

Его план войны отличался пассивным характером. Куропаткин погряз в бюрократическом бумаготворчестве и потакал слабостям ряда никуда негодных своих помощников — корпусных и дивизионных начальников. Сложившееся на театре войны двоевластие — Куропаткина, заместника царя на Дальнем Востоке адмирала Е.И. Алексеева — противоречило принципу единоначалия — основе воинской дисциплины и одному из важных залогов победы.

Результатом полководческой деятельности Куропаткина «на сопках Маньчжурии» явилась замена его 3 марта 1905 г., после Мукдена генералом Н.А. Ливневичем на посту главнокомандующего и назначение командующим 1-й Маньчжурской армией, а затем и опала с февраля по ноябрь 1906 г. Уезжая по железной дороге из Маньчжурии, Куропаткин получил предписание не оставаться в Петербурге и окрестностях, а проживать в Шешурине (имении генерала), воздерживаться от всяких интервью, оправданий и высказываний в печати.

В ноябре 1906 г. в Шешурино приехал флигель-адъютант императора князь А.П. Трубецкой с известием о разрешении Куропаткину проживать, где он пожелает. Одновременно Николай II пригласил генерала прибыть на прием в Зимний дворец. 21 декабря он предстал перед императором. Их беседа длилась более часа. Бывший командующий Маньчжурской армией и главнокомандующий вооруженными силами России на Дальнем Востоке проинформировал царя о недостатках, выявленных войной в русской армии. В конце аудиенции Куропаткин попросил Николая II простить и себя, и армию за то, что «мы в данный нам срок не доставили России победы». Император ответил: «Бог простит, но помните, что победители всегда возвращаются с венком лавровым; побежденные — с венком терновым. Несите его мужественно»³⁶.

Опала была снята, рассматривался вопрос о назначении Куропаткина на Кавказ, но оно так и не состоялось. Тяжелым оказался терновый венец. Те, кто восторгался Куропаткиным еще 2-3 года назад, с тем же полемическим пылом бросились порицать генерала, делая его виновным за поражения в Маньчжурии и за все недостатки в армии.

В 1906 г., еще находясь в опале в Шешурине, Куропаткин закончил составлять отчет о русско-японской войне, который заключал в себе четыре

солидных тома. Прочтя два из них, Николай II принял такое решение: «Отчеты генерала Куропаткина никоим образом не должны сделаться достоянием всех, пока не появится в печати официальная история русско-японской войны»³⁷. Отчет был издан малым тиражом и разослан ряду высокопоставленных военных для тщательного изучения опыта войны. Но в конечном счете документ все же попал в открытую печать. В 1909 г. его без ведома автора напечатали в Берлине под названием «Записки генерала Куропаткина о русско-японской войне. Итоги войны».

Назначенный на почетную «синекурную» должность члена Государственного совета, большую часть времени Куропаткин проводил в Шешурине, посвящая себя литературному труду и деятельности на ниве народного просвещения и краеведения. Часть своей земли генерал выделил для организации сельскохозяйственной школы, которая была создана в 1908 г. под названием «Яблоновская с.-х. школа имени генерал-адъютанта А.Н. Куропаткина», широкого профиля, с охватом всех отраслей сельского хозяйства. В первые годы после революции школа не работала и вновь была открыта в 1921 г. опять-таки благодаря энергии А.Н. Куропаткина. С этого момента и до смерти он был там преподавателем экономической географии, а расходы по содержанию взяло на себя правительство. В 1929 г. школьное двухэтажное деревянное здание сгорело по вине технички. После смерти Куропаткина школа из сельскохозяйственной превратилась в обычную общеобразовательную школу³⁸.

Также благодаря стараниям А.Н. Куропаткина на его земле на берегу озера была построена Шешуринская больница, которую возглавил доктор Жеребцов (в советское время — заслуженный врач РСФСР).

Генерал был глубоко религиозным человеком. Каждый четверг у него собирались гости — соседи-помещики и директор школы В.С. Сиверский. Прежде чем все садились за стол, совершалось богослужение.

Один из учеников Яблоновской школы И.Г. Рубельт (в 1918—1919 гг. председатель холмского ЧК) в своих воспоминаниях оставил нам свидетельства о генерале как человеке: «Куропаткин вел строгий образ жизни. Он каждый день вставал в 7 часов утра, занимался физкультурой, которая состояла в распиловке и колке 1/4 сажени дров. Для этой цели у него была приспособлена обычная поперечная пила, пилил попеременно правой и левой рукой. Потом он по-суворовски умывался холодной водой, после чего шел завтракать. По окончании завтрака совершал часовую прогулку и потом забирался в свой кабинет, где писал свои мемуары. Он был связан с Академией наук и по ее заданию выполнял те или другие работы исторического значения. Обедал в 2 часа дня. Пища Куропаткина была самой простой — щи или суп, каша и обязательно простокваша, крепкие спиртные напитки не потреблял, а вино — крайне ограниченно, и то только в обществе своих гостей. После обеда он ложился спать и спал два часа, потом уходил в кабинет и садился за свою работу — писал»³⁹.

Именно тогда генерал начал свои мемуары «70 лет моей жизни». Повествование это он успел довести до 1897 г. Кроме того, им создан трехтомный труд по геополитике «Задачи русской армии», брошюра «Русско-китайский вопрос», ряд более мелких произведений, часть из которых так и не была опубликована.

В 1914 г., с началом I-й мировой войны А.Н. Куропаткин написал на имя императора несколько рапортов с просьбой дать должность в действующей армии. Это стало возможно только после 23 августа 1915 г., когда сам Николай II сменил великого князя Николаевича-младшего, старого недруга Куропаткина, на посту Верховного Главнокомандующего. Протекцию Куропаткину оказал его давний сослуживец по 16-й пехотной Скобелевской дивизии в Балканскую войну генерал-от-инфантерии М.В. Алексеев. А.Н. Куропат-

кин получил в командование Гренадерский корпус, перед тем понесший большие потери и отведенный на переформирование в Ярославль. С несвойственной для 66-летнего человека энергией он взялся за мероприятия по укомплектованию частей. Уже в январе 1916 г. генерал доложил в Ставку о готовности полков выполнять боевые задачи.

В феврале 1916 г. А.Н. Куропаткин получает в командование 5-ю армию Северного фронта, а 24 февраля того же года — Северный фронт. Здесь он опять же проявил свои способности военного администратора. При подготовке наступательной операции, известной ныне как Брусиловский прорыв, он вместе с командующим войсками Западного фронта генералом-от-инфантерии А.Е. Эвертом на совещаниях в Ставке был оппонентом А.А. Брусилову, ратуя за пассивные варианты планов кампании 1916 г.

С началом восстания в Туркестане летом 1916 г. Куропаткин назначает губернатором Туркестана. И он в очередной раз оправдал свое реноме специалиста по Туркестану и деятеля колониальной администрации. Прежде всего генерал изгнал коррумпированных чинов военной администрации, погрязших в казнокрадстве и самоуправстве, а с началом беспорядков взявшихся за дело с бессмысленной кровавой жестокостью. Но тем не менее с отречением Николая II от престола туркестанский генерал-губернатор А.Н. Куропаткин и его начальник штаба Генерального штаба генерал-лейтенант Н.Н. Сиверс были арестованы как представители старого режима и отправлены под конвоем в Петроград, но вскоре отпущены 8 сентября 1918 г. во время «красного террора». После выстрела Фанни Каплан в Ленина Куропаткин был арестован ЧК в Холме, 24 сентября отправлен в Петроград, на Гороховую, 2, но уже 25 сентября отпущен из-за отсутствия реальных улик и обвинений⁴⁰. При этом ему выписали отношение месткома Семиреченской дороги, в котором Алексей Николаевич рекомендовался как «знаток Туркестанского края и администратор, постоянно защищавший беднейшее земледельческое и кочевое население края от эксплуатации скупщиками и посредниками спекулянтами». Для обеспечения безопасности ему выдали револьвер⁴¹.

Поселившись в Шешурине, Куропаткин, невзирая на бытовые невзгоды, вновь окунулся в общественную жизнь уезда. В 1919 г. он пережил большую горе. По делу «Национального центра» был арестован и расстрелян сын Алексей, 1892 г. рождения, студент-химик, он был в группе по изготовлению бомб для терактов против советских вождей⁴².

Сам же Алексей Николаевич всегда лояльно относился к советской власти. В апреле 1919 г. в уезде вспыхнуло восстание «зеленых» под предводительством морского офицера Белорусского и дезертира из «красных офицеров» Медема. Численность их отрядов доходила до 7 тыс. чел. Руководители восставших обратились к Куропаткину с просьбой возглавить движение, зная его популярность в округе. А.Н. Куропаткин спросил у эмигрантов, из кого состоят эти отряды. Один из них, замешкавшись, ответил, что «из дезертиров и прочих людей». Старый генерал, не задумываясь, твердо заявил: «Я могу командовать только регулярными войсками, а не бандами и прочим сбродом. Вам, господа офицеры, не советую заниматься этим бесперспективным делом и подставлять голову под пули, а советую идти в военные комиссариаты и стать на учет, как подобает честному офицеру, любящему свой народ». И тут же добавил: «... Дайте мне 100 унтер-офицеров и посадите на коней, от вашей армии ничего не останется». Шешуринским мужикам, которые пришли за советом, стоит ли участвовать в выступлении против советской власти, Куропаткин ответил: «Сдайте оружие в волость, а сами идите в военный комиссариат и вступайте в ряды Красной Армии» и посоветовал сдать имеющиеся два пу-

лемета и винтовки. Впоследствии эти крестьяне благодарили Куропаткина за совет. Через 10 дней — это заслуга и Куропаткина — восстание было подавлено с малой кровью с обеих сторон⁴³.

Известно и то, что Куропаткин отказался от приглашения специально приехавшего в Шешурино посла Нуланса уехать и поселиться во Франции, где он мог жить с привилегиями и почестями кавалера ордена Почетного легиона всех степеней. Куропаткин ответил Нулансу: «Людовику XVI народ Франции снял голову, и если я заслуживаю того же, тогда пускай и мой народ поступит так же, но Родину я никогда не покину»⁴⁴.

Выбор Куропаткина в гражданской войне был осознан и выстрадан. Крах царского режима он видел изнутри, и его дневники демонстрируют медленную эволюцию взглядов старого генерала от крайнего монархизма к принятию выбора народа, каким бы он ни был.

При советской власти Алексей Николаевич поступает на службу в качестве заведующего библиотекой, которая ему и принадлежала до 1917 г. Ее перевезли в Холм на 30 подводках. Туда же перенесли и богатейшую коллекцию старинного холодного оружия, которую А.Н. Куропаткин передал в дар советской власти. В 1922 г. он передал в фонд помощи голодающим старинный персидский ковер ручной работы, подаренный ему императрицей. В то же время Куропаткин преподает в основанной им сельскохозяйственной школе, работает консультантом Холмского отдела народного образования, организует в городе народный музей, читает популярные лекции по географии, истории родного края, агрономии, продолжает литературный труд⁴⁵.

А.Н. Куропаткин умер от воспаления легких 16 января 1925 г. в неполные 77 лет на руках верного лакея Петра Дорофеева. Похороны были скорбным событием в Холмском уезде. Хоронили его по православному обряду, с воинскими почестями: гроб из дома выносили четверо военных в форме.

В июле 1964 г. группа бывших учеников Наговской (Яблоновской) сельскохозяйственной школы соорудила на могиле вместо покосившегося деревянного креста мраморное надгробие с надписью: «Куропаткин Алексей Николаевич. 1848—1925. Основатель сельскохозяйственной Наговской школы». Ниже высечены слова Куропаткина: «Высокая честь любить землю и научно уметь трудиться на ней»⁴⁶.

В целом оценивая А.Н. Куропаткина как военного деятеля, полководца, историки почему-то забывали суждения ряда военных авторитетов, вроде бы хорошо известные. Военный теоретик А.А. Свечин, расстрелянный в эпоху «ежовщины» в 1938 г., например, так считал: «Мы, вероятно, слишком строго осуждаем Куропаткина как стратега, забывая о гнилом политическом базисе, на котором ему приходилось руководить войной»⁴⁷. Маршал Советского Союза Б.М. Шапошников в своих мемуарах же предвидел, что «... будущим историкам еще придется изучить личность Куропаткина, чтобы не рубить с плеча голову уже отошедшего в область прошлого генерала»⁴⁸. В конечном счете, трудно делать ответственным Куропаткина только за то, что он хотел, но не сумел, не смог сделать.

¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф.165. Оп.1. Д.1. Л.1.6.

² Военная энциклопедия. СПб., М., 1914. Т.14. С.410.

³ Частушки. М., 1987. С.124.

⁴ РГВИА. Ф.165. Оп.1. Д.11. Л.1.

⁵ Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX—XX столетий. М., 1973. С.203, 206.

⁶ Список населенных пунктов Калининской области. Калинин, 1979. С.218.

⁷ РГВИА. Ф. 165. Оп.1. Д.11. Л.1.

- ⁸ Там же. Д.11. Л.1.
⁹ Там же. Д.3. Л.3.
¹⁰ Там же. Л.6.
¹¹ Куропаткин А.Н. «Невольничество было уничтожено...» // Честь имею (Советский воин). М., 1994. №5/6. С.27.
¹² Белановский Д.А. М.Ю. Ашебреннер: офицер и народовец (по архивным документам и воспоминаниям) // Преподавание истории в школе. 1989. №6. С.25.
¹³ Игнатъев А.А. Пятьдесят лет в строю. М., 1955. Т.1. С.332—333.
¹⁴ Шапошников Б.М. Воспоминания: Военно-научные труды. М., 1982. С.88.
¹⁵ Там же. С.90.
¹⁶ Ефремова Н.П., Иванов Н.Н. Русская соратница Маркса. М., 1982. С. 207.
¹⁷ Кагельская З.Д. Из истории Туркестанского края. М., 1980. С.24.
¹⁸ РГВИА. Ф.165. Оп.1. Д.4. Л.3.
¹⁹ Там же. Д.35. Л.1.
²⁰ Там же. Л.2.
²¹ Там же. Д. 11. Л. 30. (Военная статистика — устаревший термин, обозначавший предмет военной географии).
²² Советская военная энциклопедия. М., 1976. Т.1. С. 333.
²³ Фон Теттау. Куропаткин и его помощники. СПб., 1913. Ч.1. С.17—18.
²⁴ РГВИА. Ф. 165. Оп.1. Д.11. Л.31.
²⁵ Куропаткин А.Н. Действия отрядов генерала Скобелева (Ловча, Плевна). СПб., 1885. Т.1—2.
²⁶ Военная энциклопедия... С.411.
²⁷ Куропаткин А.Н. Разведывательная миссия в Турцию // Воен.-ист. журнал. 1995. №4. С.68—77.
²⁸ Военная энциклопедия... С. 413.
²⁹ Зайончковский П.А. Самодержавие... С.68.
³⁰ Там же.
³¹ Там же. С.69.
³² Витте С.Ю. Воспоминания. М., 1960. Т.2. С.157.
³³ РГВИА. Ф. 165. Оп.1. Д.5260. Л.11.
³⁴ Там же. Л.17.
³⁵ Любинский А.И. Русская армия и генерал Куропаткин как полководец: Из опыта русско-японской войны. Киев, 1909. С.9.
³⁶ Авдеев В.А. Терновый венец генерала А.Н. Куропаткина // Воен.-ист. журнал. 1995. №4. С.73.
³⁷ Там же. С.72.
³⁸ Покровский В. Просветитель // По пути Ильича. Калининская область. Андреаполь. 17 дек.
³⁹ Рубельт И.Г. Некоторые данные о царском генерале Алексее Николаевиче Куропаткине. Л., 1971 // Личный архив В.Н. Зуева.
⁴⁰ РГВИА. Ф. 165. Оп.1. Д.1611. Л.3.
⁴¹ Там же. Д. 1609. Л.1.
⁴² Красная книга ВЧК. М., 1989. Т.2. С. 242, 475.
⁴³ Корнатовский Н.А. Борьба за Красный Петроград. (1919). Л., 1919. С.144—145. Личный архив автора.
⁴⁴ Личный архив В.Н. Зуева.
⁴⁵ Покровский В. Просветитель.
⁴⁶ Воен.-ист. журнал. 1965. №6. С.117.
⁴⁷ Свечин А.А. Стратегия. М., 1927. С.49.
⁴⁸ Шапошников Б.М. Воспоминания. С.141—142.

*Автор выражает признательность за любезное предоставление фактического материала внуку А.Н. Куропаткина **В.С. Покровскому** (с. Боллогово, Андреапольского района, Тверской обл.), краеведу из г. Торонца Петру Алексеевичу ТАЛАНОВУ и известному российскому генкалогу, члену ОИАК **В.П. Хохлову** (Кавалерово, Приморский край).*

SUMMARY: Researcher of the Institute of History of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences Vladimir Zuev devoted his article «General A.N.Kuropatkin» to this outstanding personality of the Russian pre-revolutionary army. The author describes in detail military career of General since his study in Military School as a cadet till the times when General finished his activity being Minister of War in Russia and Commander-in-Chief of the Russian army in Manchuria in 1904—1905. The author tells about the life of General Kuropatkin in Soviet time.